

СОМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В НОМИНАЦИИ ПРЕДЧУВСТВИЙ И ИНТУИТИВНЫХ ЧУВСТВОВАНИЙ

Е. Л. Березович^{1, @, *}

¹ Уральский федеральный университет

@ berezovich@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках реализации программы конкурентоспособности Уральского федерального университета (2013 – 2020), научная группа «Народная языковая традиция как источник историко-культурной информации (Русский Север, Средний Урал, Верхнее Поволжье)»

Аннотация: В статье анализируется наиболее продуктивная и системная модель, которая лежит в основе лексики и фразеологии, обозначающей проявления «шестого чувства» (предчувствия и интуитивные чувствования), – соматическая модель. Работа основана на материале русского литературного языка XIX – XXI вв., а также отдельных фактов жаргонов, просторечия и народных говоров. Рассматриваются 4 группы соматизмов, наиболее репрезентативных в плане проявления интересующих автора смыслов: названия органов «тыльной стороны» тела (*спина, затылок, лопатки, задница, загривок* и т. п.); обозначения живота и «внутренностей» (*нутро, живот, брюхо, печенки* etc.); наименования непосредственных органов перцепции (*нос, ухо*); слова *тело, кожа (шкура)*.

Анализируемая модель реализуется разными способами, среди которых основной – глагольно-именные инструментальные сочетания типа *чуть печенкой, почувствовать задницей, ощущать телом*. Описываются контекстные смыслы, характерные для изучаемой лексики: «предчувствие неприятностей, смерти», «тонкое органическое чувство (долга, обязанностей; материальной выгоды и др.)», «нелогическое осмысление того, что обычно осмысляется логически», «перцептивные синестетические ощущения», «ощущение контроля (чувство слежки, чувство чужой власти)» и др. Анализируются причины появления смыслов, которые специфичны для каждой группы рассматриваемой лексики или же объединяют соматизмы из разных групп.

Ключевые слова: мотивология, номинативная модель, русская лексикология, фразеология, контекстная семантика.

Для цитирования: Березович Е. Л. Соматическая модель в номинации предчувствий и интуитивных чувствований. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2016;(3):86-93. DOI:10.21603/2078-8975-2016-3-86-93.

В психической жизни человека есть знания, есть чувства, а есть нечто «между ними» – интуитивные чувствования и предчувствия: *интуиция* – это «бессознательное чувство, толкающее на правильное поведение; чутье, догадка» [10, т. 5, с. 414]; *предчувствие* – «(неотчетливое) знание того, что произойдет, происходит или произошло и что влияет на жизнь субъекта или кого-то из его близких, которое субъект имеет благодаря тому, что воспринял нечто недоступное обычному человеческому восприятию, или особое чувство, какое бывает, когда субъект имеет такое знание» [5, с. 830]. Предчувствия прежде всего относятся к будущему, а интуиция – необязательно. Наивное сознание иногда объединяет интуицию и предчувствия под обозначением *шестое (седьмое) чувство*.

Сложная, неподконтрольная разуму природа «шестого чувства» побуждает нас глубже разобраться в том, как оно концептуализируется в языке, какие мотивационные модели лежат в основе обозначений интуитивных чувствований и предчувствий, какова логика выбора этими словами контекстных партнеров. Осуществив выборку соответствующих слов и устойчивых сочетаний в русском литературном языке и народных говорах, мы пришли к выводу, что в данном лексическом поле (весьма пестром) выделяется одна наиболее продуктивная и системная модель – *соматическая*.

Это значит, что лексико-фразеологические единицы с изучаемыми значениями образованы от соматизмов или включают в свой состав обозначения частей тела – как реальных, так и воображаемых, вымышлен-

ных (*душа*), ср. разг. *с тяжёлым сердцем* «в подавленном состоянии, в беспокойстве, предчувствуя недоброе», диал. пск. *духом (душой) слышать что* «предчувствовать что-л.»: «Душой слышу, буде беда с моим зятем» [3, с. 210]; кроме того, соматизмы становятся устойчивыми контекстными партнерами слов *предчувствие, предчувствовать, чуть, (по)чувствовать, ощущать* (по отношению к двум последним глаголам мы имеем в виду те ситуации, когда они обозначают интуитивные чувства): литер. *нутром почувствовать*, простореч. *чуть печенкой* «воспринимать что-л. чутьем, интуицией» и др.

В создании и функционировании лексики и фразеологии со значением предчувствий и интуитивных чувствований участвуют разнообразные соматизмы, поскольку способность стать носителем «шестого чувства» приписывается в языке едва ли не любому органу тела. В то же время есть обозначения частей тела, которые получают указанные коннотации системно (они будут рассматриваться далее), а есть такие, которые имеют обсуждаемую семантику окказионально. Однако у любых языковых случайностей, как известно, есть свои объяснения. Иногда в контекстах окказионально появляются соматизмы, которые связаны тесными гипонимическими связями с базовыми названиями органов, «специализирующихся», по народному языковому сознанию, на том или ином предчувствии: так, к примеру, единично отмеченный в контекстах *позвоночник*, как будет показано ниже, «развивает тему» *спины*, системно получающей изучаемые коннотации. В других

случаях в контекстах может актуализироваться название той части тела, которая имеет прямой контакт с «каузатором» интуитивных ощущений, ср. показательный пример со словом *ноги*: «Случалось, что мелькнет у ног и змейка, взлетишь, как подброшенный, чувствуя подошвой ноги, которой чуть было не наступил на нее, упругий холод змеиного тела, и еще долго бежишь, *ощущая ногами* необоримую, почти радостную легкость страха» <Ф. Искандер>. Кроме того, в ряде контекстов отражены представления об особых эксклюзивных соматических «умениях», связанных с родом занятий людей. Допустим, в речах Л. Д. Троцкого, который был, как известно, сильным оратором, особым «чуяньем» наделяются *зубы* говорящего: «Моментами казалось, что *ощущаешь губами* требовательную пылкость этой слившейся воедино толпы». Встречаются контексты, в которых говорится, что футболисты могут интуитивно чувствовать ногами, кулинары – зубами, переводчики – небом etc.

В настоящей работе в центре нашего внимания будут те соматизмы, которые получают указанные контекстные смыслы **системно**. Среди них особое место занимают *сердце* и *душа*, для которых обсуждаемая семантика наиболее ожидаема, поскольку они по наивысшему представлению концентрируют в себе духовную жизнь человека. Им посвящена наша специальная работа [1]. К этим двум словам примыкает *грудь*, имеющая сходные с ними коннотации. Для других соматизмов семантика «шестого чувства» в меньшей степени ожидаема, а потому причины и особенности ее проявления заслуживают отдельного рассмотрения.

В ходе сбора материала нами моделировались словосочетания с разными соматизмами, которые проверялись по Национальному корпусу русского языка [4], а также различным словарям русского литературного языка и жаргонов (в некоторых случаях к анализу привлекались диалектные данные). Указанная семантика реализуется в первую очередь в инструментальных сочетаниях, образованных по модели «глагол *чувять* / *чувствовать* / *ощущать* (с видовыми показателями) + соматизм в тв. пад». Гораздо реже встречаются сочетания, в которых соматизм при названных глаголах фигурирует в им. пад. Учитываются также любые случаи, когда соматизм выступает контекстным партнером слов *предчувствие*, *предчувствовать* и др. (например: *по спине прокатилось предчувствие*, *задница предчувствовала беду* etc.), а также случаи, когда эти слова фигурируют лишь в дефиниции фразеосочетаний с соматизмами. Не берутся те контексты, в которых описываются только лишь физиологические симптомы, связанные с проявлением предчувствий: например, *зубы сжимаются в предчувствии*; *предчувствие перехватывает горло*; *лицо серо, губы дрогнули, глаза закрыты, под ложечкой холодеет* etc. *от предчувствий*.

В собранном материале выделяются 4 группы соматизмов, наиболее репрезентативных в плане проявления интересующих нас смыслов: названия органов «тыльной стороны» тела; обозначения живота и «внутренностей»; наименования непосредственных органов перцепции; слова *тело*, *кожа* (*шкура*).

Именно они будут в центре нашего внимания в настоящей работе, основанной на материале русского литературного языка XIX – XXI вв., а также отдельных

фактов жаргонов, просторечия и народных говоров. Основным источником материала стал Национальный корпус русского языка [4], поскольку словари литературного языка далеко не всегда фиксируют интересующие нас факты (иногда в силу недостаточной «узальности» последних, иногда по каким-то другим – скорее всего, субъективным – причинам). Контексты из художественной литературы, извлеченные из Национального корпуса русского языка [4], даются без указания на источник; фамилия автора приводится в угловых скобках. В ряде случаев привлекаются также контексты из сети Интернет, полученные при работе с поисковой системой Яндекс; они паспортизируются пометой <И>.

Названия органов «тыльной стороны» тела

В сочетаниях с глаголами *ощущать*, *чувять*, *чувствовать* участвуют такие соматизмы, как *спина*, *хребет*, *задница* (*зад*, *жопа*), *лопатки*, *затылок*, *макушка*; единично – *загравок*, *позвоночник*. В языковом зеркале эти органы предстают способными испытывать разнообразные интуитивные ощущения, которые связаны главным образом с тем, что телесный «тыл» не контролируется глазами, выступающими как важнейший источник разнообразной информации, в том числе рациональных знаний о мире, и помогающими осуществить ценностную разметку пространства, выделить в нем «свою» зону. Отсутствие зрительного контроля максимально открывает эту зону для сферы иррационального и для нежелательных вторжений в личное пространство субъекта.

Специфические проявления «шестого чувства», которое испытывают «тыльные» органы, – это ощущения чужого контроля и защищенности/незащищенности. Основным субъектом этих ощущений является *спина*. Ощущение чужого контроля может реализовываться двояко. Во-первых, есть чувство чужого внимания, слежки, преследования и др., которое испытывают *спина* (в наибольшем количестве случаев), *лопатки*, *затылок*, *макушка*, *хребет*: «Наоборот, якобы наказуемый оказывается в центре внимания всего класса, он это *чувствует лопатками, затылком*» <А. Букин>; «Он пошел к тупику, которым заканчивался коридор, *чувствуя лопатками* холодок от взгляда мальчика, пристально смотрящего ему в *спину*» <А. Рыбин>; «Софья отменно выполняла свою работу, отчасти и благодаря тому, что всегда *чуяла затылком* неусыпное око начмеда» <Т. Соломатина>; «Вернулся, *спиной ощущая*: криворотый меня глазом проследил, – и опять нырнул под одеяло» <А. Приставкин>; «Рукоятки проворачивались впустую, шелкали и визжали, а я нервно хватался то за одну, то за другую, *ощущая затылком* приближение преследователя» <Б. Левин>; «“Подумаешь, жена шефа”, – *чувствовала я спиной* их мысли» <С. Спивакова>; «Я очень восприимчив к чужому взгляду и *хребтом чувствую*, когда на меня кто-то смотрит» <Э. Гарднер> и т. п.

Во-вторых, в ряде контекстов говорится об ощущении зависимости от кого-либо, чужой власти над кем-либо, которое «транслируется» через *спину* или *затылок*: «Командование стояло молча на должном отдалении, я, хоть и не смотрел, а видел, *чувствовал спиной*» <Г. Я. Бакланов>; «Ненавижу манеру этого препода: идет в конец аудитории и стоит, смотрит,

чтоб ты *затылком* чуял его власть» <И>. Это ощущение иногда вырастает из чувства чужого внимания, слежки, которое может порождать отношения подчинения: объект слежки волей-неволей оказывается подчинен ее субъекту.

Спина выступает и субъектом чувства защищенности/незащищенности. С одной стороны, оно может «вытекать» из ощущения чужого контроля, который либо внушает человеку спокойствие, либо, наоборот, лишает его. С другой стороны, со словом *спина* связывается символика накопления опыта, ответственности (ср. выражения *иметь за спиной что-л.* ‘иметь опыт в чем-л.’, *прятаться за чужие спины* ‘не брать на себя ответственность’), которые тоже становятся источником чувства защищенности. Ср.: «Чувствуя спиной близость надежных монастырских стен, я думала о бахромчатых книгах, написанных в эмиграции, которых в своем недавнем прошлом мнила едва ли не собственными детьми» <Е. Чижова>; «Он не чувствовал спиной, что за ним – Россия, огромная машина со своей величественной историей и несчастной судьбой» <А. Бовин>.

Типичны контексты, в которых описываются предчувствия, переживаемые «тыльными» органами. Они по преимуществу негативны – опасность, беда, смерть. Их ощущают *лопатки*, *макушка*, но чаще всего – *спина*: «Предчувствие подошло, осалило, хлопнуло ладонью меж лопаток, я прогнул спину, борясь с желанием оглянуться и кинуться прочь» <А. Иллечевский>; «Что касается облаков, то они, талые и траченные грязным городским теплом, среди бела дня нагоняли на Катерину Ивановну такого страха, что она, не глядя, чувствовала их *макушкой*» <О. Славникова>; «Козлов все время прислушивался. <...> он просчитывал каждое слово, шорох, вздох – он постоянно готовил себя ко всему, что могло случиться. И он даже не слушал – он чувствовал спиной» <А. Терехов>. Предчувствия, ощущаемые спиной, нередко сопряжены с такой физиологической реакцией, как озноб, чувство холода: «Чувствуя, что спину охватывает морозец, я все-таки останавливался и ждал, что будет дальше» <Ф. Искандер>; «Его собеседник не был мне виден, и у меня по спине пробежал *холодок предчувствия*» <В. Пелевин>; «Александров вдруг почувствовал, что по спине у него забегали *холодные щекотливые мурашки* <...> от опьяняющего предчувствия драки» <А. И. Куприн>.

Приятные, позитивные объекты предчувствий появляются в контекстах сравнительно редко: «Когда он резал, был слышен такой полный, приятный, зелёный треск, что у меня прямо *спина похолодела* от предчувствия, как я буду есть этот арбуз» <В. Драгунский>.

Полностью исключены такие объекты в контекстах со словом *задница*, которая выступает как популярный субъект сугубо негативных предчувствий (особенно в жаргонных и просторечных текстах): «Ефим Карпович одним местом, называемым в народе *задницей*, почувствовал, что находится на грани провала» <А. Ростовский>; «А в русском языке *задница* еще и наделена умением *чувствовать опасность* и искать приключения...» <И>; «Чувствуя *задницей* – плохой сегодня день будет!» <И>.

Органы телесного «тыла» обладают способностью органического чувствования различных жизненных ситуаций и обстоятельств. *Спина*, *затылок*, *позвоноч-*

ник интуитивно чувствуют межличностные отношения, особенности взаимодействия людей друг с другом («Я <...> заранее стискивал зубы, *чувствуя спиной* этих людей, и азартное чувство товарищества крошилось на зубах от страха: я знал, что это за люди» <И. Полянская>; «Каждый досконально знает свою роль на байдаре или вельботе; зверобой *чувствуют друг друга спиной*, по взгляду и жесту товарища понимают, что ему надо помочь» <Л. Богословская>), а также чужие эмоции – например, сочувствие, неприязнь («Он уже *ощущал затылком* сочувствие первого Сашинного супруга и победительное торжествующее злорадовство собственной маменьки» <Т. Соломатина>; «Лев поминутно *ощущал* даже *спиной* неприязнь Ани к Чиграшову» <С. Гандлевский>; «В Большом зале сегодня была такая отрицательная энергия и в таком количестве, что я ее *ощущал позвоночником*» <С. Спивакова>).

Хребет – орган внутренний, «структурный», поэтому ему свойственно чувствовать внутреннее состояние, устройство чего-л.: «А суть упреков *хребтом чувствую*» <И>; «Бодрая и неунывающая, она <тетя Шура> словно показывала всему белому свету, как можно выстоять. Енисей она *чувствовала хребтом*. Каждому явлению, времени года, птице, предмету умела она придать смысл, озаряла своим пониманием, любовью» <М. Тарковский>; «Он был вечно в работе, разрывался между хозяйством и тайгой, *чувствовал хребтом* каждый день уходящей жизни» <М. Тарковский>; «*Хребтом* нужно *чувствовать*, что стоит на повестке дня. А на повестке дня стояла лютая ненависть к действующей власти» <И>.

Показательное объединение дают *загрибок* и *задница*, которые, по мнению языка, способны интуитивно чувствовать сиюминутную конъюнктуру, материальную выгоду: «В любом случае за подковерными схватками кремлевских царедворцев стоит геополитическая реальность, которую эти звери *чуяли загривками*» <Л. Аннинский>; «*Загрибком чувствую*, что мне что-нибудь перепадет» <И>; «Всегда резать правду-матку. Но по правильной траектории, а она здесь только одна, и *чувствовать* ее надо *жопой*» <В. Пелевин>; «Сергея посмотрел на распахнутое нутро джипа и *задницей почувствовал*, что это шанс для него» <С. Таранов>. *Загрибок* имеет символику «материальной ответственности» (за себя и за кого-либо другого), ср. карел. *на загривке у кого-л.* ‘на попечении, на иждивении у кого-л.’ [8, вып. 2, с. 143], пск. *скрипит в загривке у кого-л.* ‘кому-либо приходится расплачиваться, держать ответ’ [7, вып. 12, с. 123], в то время как *задница* символизирует собственное благополучие – как правило, материальное (сближаясь тем самым со *шкурой*).

Обозначения живота и «внутренностей»

В данном случае в контекстах представлены слова *нутро*, *печенка*, *брюхо* (*живот*, *чрево*), *кишки* (*потроха*), единично – *солнечное сплетение*. Чаще всего субъектами шестого чувства выступают *нутро* и *печенки*; затем следуют *кишки*, *потроха*; остальные элементы этого списка приобретают интересующие нас контекстные смыслы довольно редко, при этом играют роль не столько активного органа, сколько локуса «шестого чувства». Исключительно в роли локуса выступает и сочетание *под ложечкой*.

Для этой группы соматизмов специфичны контексты, в которых соответствующим органам (*нутру, чреву, печенкам, потрохам*) приписывается способность к внелогическому осмыслению того, что обычно осмысляется логически, для чего нужно знание, или же тонкому эстетическому восприятию: «Что именно с авиацией не то, дежурные и предположить не могли, они изменение *чувствовали печенками*, опытом, то есть всем тем, о чем нельзя упоминать в журналах происшествий, в докладных, рапортах, объяснительных записках и оперативных сводках» <А. Азольский>; «— Да понимаешь, Петька, спрашивают меня: сколько будет 0.5 плюс 0.5, а я *нутром чую*, что литр, а математически выразить не могу!» <анекдот о Чапаеве>; «В этой дистрикции де сыанс, — говорил Брюс, — точные знания невозможны, ибо нет способа подвергнуть их ревизации и пробации. И приходится, впитав в себя величайшее множество фактов фактиссимов, прибегать к профаническому методу: *чують чревом*. А чрево чует беду последние сто лет...» <А. Лазарчук, М. Успенский>; «Группа “Янус” была введена по настоянию Романа и Эдика, которые заявили, что всем *нутром чуют* связь между странностями Януса и странностями попугаев. Они не смогли ответить на вопрос Корнеева, каков физический смысл понятий “*нутро*” и “*чують*”» <А. и Б. Стругацкие>; «И Володя почти всегда что-то рисовал на этих бумагах — они у меня остались. Он, в общем, не понимал в изобразительном искусстве, но *чувствовал нутром*...» <М. Шемякин, В. Перевозчиков>; «Она знала, что “сучонка” обращена к ней. Просто *нутром чуяла. Потрохами*» <Е. Хаецкая>.

«Внутренности» (*нутро, печенка, потроха, кишки, брюхо*) обладают и способностью предчувствовать. Так же как другие соматические объекты, они предчувствуют главным образом неприятности, опасности, смерть: «Сейчас бес *нутром чуял*: с хозяином неладно» <М. Гиголашвили>; «Грядут времена страшные, кровавые... *Нутром чую*. А нутро у меня, внуча, чуткое, девять детей выносило, как ты думаешь, милая моя...» <Е. Хаецкая>; «— *Чую*, лейтенант, *печенкой чую*, не будет нам сегодня везения, отойти надо» <Ю. Бондарев>; «А еще — с одного взгляда определял человека, *нутром чуял* опасность» <Л. Лаврова>; «Это опасно — *кишками чувствую*» <И>; «— Едут какие-то. *Потрохами чую* — сюда. Давай в кустах пересидим, не будем отсвечивать» <И>; «<...> еще они не доставали ножей, конопатый только вертел им бестолково с самого начала, а уже *брюхо* мое *заледелено в предчувствии* и шерсть вздыбилась, как на еже» <Митьки>. Упоминания о «светлых» предчувствиях встречаются очень редко: «И даже надежды имею. На что надежды — вот хоть убей, объяснить не могу, а только *чувствую, всем нутром чувствую*, что придет что-то... Ну, сбудется оно, да и все тут!» <М. Е. Салтыков-Щедрин>.

Для соматизмов, обозначающих внутренности, характерна не только активная позиция субъекта, но и пассивная роль «локуса» предчувствий: «<...> *под ребра, из глубины живота*, ударило страшное предчувствие, хотелось закричать диким голосом» <А. Львов>; «От нехорошего *предчувствия в животе* подобрались *кишки*» <М. Елизаров>. Таким локусом может стать и *солнечное сплетение*: «В этот момент неприятное *предчувствие толкнуло* Марину в *солнечное сплетение*» <С. Болмат>; в этой же роли высту-

пает сочетание *под ложечкой*: «Улица пустая вообще производит ужасное впечатление, а тут еще где-то *под ложечкой* томило и сосало *предчувствие*» <М. А. Булгаков>; «Нехорошее *предчувствие* защекотало у нее где-то *под ложечкой*, и она вышла из комнаты» <А. Геласимов>.

«Внутренности» обладают тонким, органическим чувствованием различных жизненных ситуаций и обязанностей. Этими органами можно чувствовать долг, обязанности, собственную судьбу, правила поведения в каких-то условиях: «Вся прелесть “Молодой гвардии” заключалась в том, что при провале партийной организации юноши и девушки, воспитанные партией и советским временем, поднимались на борьбу сами, *чувствуя свой долг нутром*» <Г. Фукс>; «— Помяните мое слово, ребята, должен! — *Печенка чует*, Евсеич? — смеялись казаки» <Б. Васильев>; «Потому что *печенками чует*: это их удел, всей России удел жить так вот, от получки до получки...» <А. Азольский>; «Честно говоря, Дина плоховато представляла его там: она *нутром чуяла*, что людям, начисто лишенным честолубия, не место в Америке» <И. Безладнова>. Интересно, что органы брюшной полости наделяются способностью чувствовать богатства, материальные ценности: «То, что икона эта ценная, Вован *нутром чуял*» <С. Романов>; «Он тогда грудью отстоял каменную <...> сторожку, <...>, *нутром чую*, сколько сокровищ может вместить каменное запертое строение» <Г. Щербакова>. Это связано, по всей видимости, с ассоциацией накопления, которой наделяются соматизмы в наивном языковом сознании. Реже встречаются контексты, в которых указывается на интуитивное чувствование межличностных отношений: «Она *нутром чуяла*, что между молодыми людьми есть связь» <И>; «Он это, благодаря давней неприязни, *печенкой чувствовал*» <П. Акимов>.

Рассматриваемые соматизмы фигурируют и в контекстах, где соответствующим органам приписывается способность интуитивно «узнавать» людей. Это может быть «опознание» знакомого («Я всеми *печенками чувствовала*, кто это звонит, но добежать до телефона раньше отца все равно не успела бы» <А. Ткачева>) или виновного в совершении какого-либо проступка («Ничего такого не заметили. Но *нутром чую*: он, падла. Пощупаешь его?» <А. Савельев>; «*Нутром чую*, рука Петра... Не теплоход они топили, а именно баржу» <Е. Лукин>).

Наименования непосредственных органов перцепции

Появление этой рубрики в данной статье неожиданно: органы перцепции должны обеспечивать базовое чувственное восприятие действительности, а не интуитивное, являющееся факультативным. Действительно, *глаза* не концептуализируются в языке как орудие интуиции. В то же время *нос* и *ухо* могут выступать в этой роли. Они являются непосредственными органами «чуянья», о чем говорят этимологические связи глагола *чують*, восходящего к праслав. **čuti* [12, вып. 4, с. 134–135]. Это глагол с первоначальной синкретичной чувственно-ментальной семантикой ‘чувствовать, ощущать, распознавать’, однако в отдельных славянских языках представлены также и специализированные значения ‘слышать’, ‘обонять, нюхать’ (есть

и редкое 'пробовать на вкус') [11, с. 129]. В современном русском литературном языке *чужанье* связывается в первую очередь с ощущением запахов. По этой причине *чужанье носом* – логическая тавтология, однако эта тавтологичность в нужных нам контекстах снимается: сочетание *чужать носом* фиксирует способность человека к интуитивному чувствованию (ср. *нюх* 'интуиция') – и если здесь есть некоторая стертая метафоричность, то она скорее связана с приписыванием человеку качеств животных.

Так, «нюхом», подобным собачьему, обладают те, кто способны к интуитивному «опознанию» виновного, преступника: «По этим приметам можно найти Курочкина. – Во парень! – удивился Тараканов. – И *носом* *чуёт*, и головой работает» <Ю. Коваль>.

Нос может предчувствовать неприятности, опасность: «Я *чую носом*: близок смертный час, Восстали серые холопы» <М. Тарловский>. *Нос* проявляет также тонкое органическое чувствование, объектами которого выступают: ■ материальная выгода («Там деньги», – *чуют носом* аферисты всех сортов» <Г. И. Успенский>); ■ социальный статус («<...> образованной я оказалась не по диплому, а по принадлежности к интеллигенции, и это они *чуяли носом*» <Н. Мандельштам>); ■ жизненные обстоятельства («Так-то, скверная ты тварь, жид ты, христопродавец, анафема! Вот я из-за чего мое пальто складываю: из-за купчихи собственнo, потому что нынешний день предстоит мне случай возобновить с ней прерванное знакомство. Так ты обстоятельство это и *чувствуй* всем своим *носом* жидовским» <А. И. Левитов>)

Ухо не употребляется в интересующем нас значении в литературном языке, но приобретает его в говорах, где уху приписывается способность становиться локусом предчувствий (перм. *в ўхе спёло* 'предчувствие подсказало': «У меня в ухе спело – косить надо идти, и верно, тожно сухо стало» [6, с. 354]) и орудием интуитивного чувствования (приамур. *слышать мертвым ухом* 'интуитивно чувствовать, предполагать ложь' [9, с. 277]).

Тело, кожа (шкура)

Нам уже приходилось кратко писать о способности слов *кожа* и *шкура* выступать в контекстах, связанных с предчувствиями и интуитивным чувствованием [2, с. 90 – 91]. Подробнее рассмотрев этот вопрос, мы пришли к выводу, что *кожа* и *шкура* «ведут себя» в этом плане подобно слову *тело* (это вытекает из анатомических свойств: кожа покрывает все тело, выступает как «контейнер» для него, не являясь в буквальном смысле «частью тела»), но гораздо активнее. Более того, *кожа*, *шкура* и *тело* выражают совокупность практически всех контекстных смыслов, выделенных ранее для других соматизмов, добавляя в этот смысловой «букет» собственную специфику.

Коже, *шуре* и *телу* приписывается способность предчувствовать неприятности, опасность, смерть и проч.: «Но я ощущала какую-то тревогу <...>, я *кожей* *чувствовала*: что-то не так!» <Т. Тарасова>, «Сейчас я ходил по улицам ночью и все думал о том, как хорошо умереть. Не то, что думал, а *чувствовал* всей *кожей*» <К. И. Чуковский>; «Главное, всей *шкурой* *чувствую* – в воздухе пахнет жареным, я этот запах за

километр узнаю» <Ф. Искандер>, «Я *кожей* *чувствую*, как весь мир наливается какой-то жутью» <Н. Подольский>; «Он *ощущал* всем *телом*, что из тьмы, окружающей его, от этих людей надвигается сила, враждебная ему, эта сила снова схватит его, поставит на старую дорогу, приведет к старым страхам» <М. Горький>; «Он еще пытался разыгрывать недоумение, возмущение, наконец, хотя и *ощущал* всем *телом*, что все кончено» <Е. Парнов>. Кроме того, *кожа* и *тело* могут предчувствовать телесное наказание или телесную близость: «Сквозь этот бред слов Даша всей *кожей* *чувствовала* рядом с собой тяжелую закипающую страсть» <А. Н. Толстой>, «Варю вдруг кинуло в жар, лицо ее запылало, и Хомяков откровенно любовался им; она *кожей* *чувствовала* это и цвела, хороше-ла под этим уверенным мужским взглядом» <Б. Васильев>; «Все *тело*, вся *кожа* *предчувствовали* грядущую порку» <И>.

Широк спектр тех объектов, на которые направлено тонкое органическое чувствование *кожей* (реже *телом*). Среди них: ■ долг, обязанности, призвание («И больше *кожей* *чуешь*, чем *понимаешь* головой, что, сколько бы ни клялся Валек своей Марине, как ни боялся бы ее потерять, все равно снова пойдет ночью на бой, потому что – ну как не пойти?» <В. Лебедев>; «Но знаете, я никогда не жаловался. *Чувствовал кожей*: это – мое. Настала пора защитить диплом» <Л. Зорин>; ■ обман, фальшь, конъюнктура («Рита не терпела фальши – она ее *чувствовала* *всей кожей*» <Т. Трошина>); ■ чувства и отношения других людей («Она только слепо *чувствовала*, *всей* *своей кожей*, тепло и доброту» <Л. Петрушевская>; «Только Ванда, я это *чувствовал кожей*, осуждала сестру и не скрывала ненависти ко мне» <П. Горелик>); ■ судьба, жизненные обстоятельства («Она *чувствовала* время *кожей*. Время жизни сокращалось» <С. Василенко>; «Лиза физически *чувствовала*, *телом* *ощущала*, стремительный побег времени...» <П. Н. Краснов>).

Подобно *спине*, *кожа* и *тело* испытывают чувство защищенности (спасения)/незащищенности: «В этом помещении *кожей* *чувствуешь* свою беззащитность» <И>; «В этот момент он *кожей* *ощутил* возможное спасение и всем *телом* бросился в открывшуюся лазейку» <М. и С. Дяченко>; «И вдруг Крэк *ощутил* всем *телом*: он спасен!» <Ю. Мамлеев>.

Коже (не *телу*!) свойственно нелогическое «мышление», поскольку с ее помощью происходит: ■ предварительное дологическое осмысление мира («В своей современности человек находится и без того, по праву рождения; он ее *чувствует кожей*, но редко видит ее – она слишком близка к нему и слишком быстро движется, чтобы ее разглядеть» <С. С. Аверинцев>; «<...> вот вольно было тебе, когда ты никакими еще воспоминаниями не нагрузил память, да и сам себя едва ли помнил, только *чувствовал кожей* мир вокруг, привыкал глазами к нему» <В. Астафьев>); ■ узнавание того, чего не было в опыте («Есть места, попадая в которые, вы как будто вспоминаете их, хотя прежде там не были. У каждого есть своя безотчетная ностальгическая память, которая питает его всю жизнь. А потом, при определенной тренировке, ты вдруг начинаешь *чувствовать кожей*, ознобом узнавая то, что никогда раньше не видел» <Мир & Дом. City>).

Специфика *кожи* и *тела* (по сравнению с ранее рассмотренными соматизмами) в том, что они встречаются в контекстах, где речь идет о перцептивных синестических ощущениях. Это температурные и осязательные ощущения («Например, спускался я к Алма-Атинке, останавливался на камнях, стоял и смотрел, как она грохочет, крутится и шипит меж камней, и чувствовал всей кожей, какая это ледяная, обжигающая вода» <Ю. О. Домбровский>; «Как сейчас, чувствую кожей жаркий душистый деревенский полдень, а ноздри щекошет резкий, плесневелый запах слежавшихся книг» <М. Шишкин>); слуховые («Я всегда считала себя полным профаном в музыке, и только когда в мою жизнь ворвался Валька со своим музыкальным миром, я поняла, что чувствую музыку кожей» <Е. Маркова>; «Может быть, от этого, а может, и от твердой внутренней убежденности, что пуля его не тронет, он не обращал внимания на обстрел (хотя слышал его и чувствовал всем телом)» <Б. Васильев>); зрительные («Потому что у Люмбрикуса и глаз-то не было. Зачем они ему в крошечной тьме? Он чувствовал свет всей кожей» <Т. Николаева>); кинестические («Когда лежишь в лодке с закрытыми глазами, и тебя слегка покачивает, и ты ощущаешь равномерное движение воздуха со стороны моря, кажется, что чувствуешь всем телом движение земного шара» <Ф. Искандер>).

Думается, активность обсуждаемой здесь контекстной роли *кожи* (быть субъектом «шестого чувства») объясняется тем, что соответствующий орган является основным источником осязательной информации – очень значимой, но более иррациональной, чем зрительная или слуховая. По интенсивности и «качеству» чувствования, по спектру объектов «шестого чувства» *кожа* сопоставима с *душой*, ср. показательное их столкновение в письме М. Цветаевой: «Мир Вы воспринимаете *накожно*: это не меньше чем: *душевно*. Через *кожу* (ошупь, пять чувств) Вы воспринимаете и чужие *души*, и это, может быть, верней». При этом диапазон «кожных чувствований» даже шире «душевных» (о последних см. в [1]). *Тело* выступает в ряде контекстов как аналог *кожи* – особенно в сочетании ощущать (*чувствовать*) *всем телом*. Но логика концептуализации *тела* и *кожи* в языке, помимо сходств, обнаруживает и различия: *тело*, разумеется, более «физиологично», а потому неспособно выражать контекстные смыслы, связанные с интуитивным осмыслением, узнаванием, распознаванием чего-либо.

В заключение – несколько замечаний, которые не столько подводят итоги, сколько развивают тему.

В зеркале языковой номинации предчувствия и интуитивные чувствования оказываются системно связанными с обозначениями частей тела. Подобная картина наблюдается и при концептуализации эмоций. Это аргумент в пользу того, что «шестое чувство» в наивном сознании ближе к эмоциям, чем к знаниям. Поэтому стоит усомниться в правильности выбора категориального слова *знание* при определении *предчувствия* в [5], которое приводилось выше: «(неотчетливое) знание того, что произойдет, происходит или произошло <...>». Думается, точнее выбрать в качестве категориального слово *ощущение*.

Системность изучаемой модели проявляется и парадигматически, и синтагматически: часто встречаются

контексты, в которых перечисляются названия нескольких органов, способных, по мнению говорящих, испытывать «шестое чувство». Иначе говоря, наименования частей тела составляют ряды с различными типами отношений контекстной лексической системности, ср.: «Подспудно – *спиной, кожей, сердцем* – люди это чувствуют всегда» <Л. Петрушевская>; «<об алчных людях> Поживу они чуяли не *носом*, а бледно-розовой *кожей спины, лопатками, икрами ног, пушком верхней губы*» <А. Азольский>; «Он *животом, кожей*, раньше говорили – *фибрами души, чувствовал*, что поддержка с этой стороны полностью корежит то, что он хотел сказать» <М. Анчаров>; «Чтобы так писать о земле, надо *чувствовать ее всем телом – ногами, глазами, ушами, руками*, — надо падать на нее в изнеможении, надо строить на ней дома или рубить лес <...>» <Ю. Казаков>; «И вот только об этой моей растворенности в особой тайной атмосфере Азии, которую я чувствовал и *всей кожей, и ноздрями*, и какими-то еще своими шестыми, седьмыми и десятыми чувствами, только об этой новой ауре мне и хотелось сказать» <В. Розов>; «Я, помню, очень жаждал посетить все эти гнездовья, и, конечно, не только потому, что все еще считал себя “молодежным писателем”, но и потому, что чувствовал *ноздрями, ушами, глазами, всей кожей* пьянящий воздух перемен» <В. Аксенов>; «*Почуять носом* они <мужчины> всегда могут затягивающуюся вокруг их шеи петлю. И то, скорее, не *носом*, а *задницей*» <И> и т. п. Подобные ряды показывают, что интуитивные чувствования видятся носителям языка «всеохватными».

Разным органам тела язык приписывает способность развивать сходные предчувствия и интуитивные чувствования. Так, соматизмы всех рассмотренных выше групп (а также *сердце* и *душа*, см. [1]) имеют коннотацию «роковых предчувствий» (безотчетного «предвидения» неприятностей, опасности, смерти, тревоги, страха etc.). При этом соматизмы разных групп имеют и специфические, отличные от других, коннотации. К примеру, именно органам «задней стороны» тела приписывается интуитивное чувствование слежки, чужого внимания, чужой власти. «Лидером» по количеству и разнообразию описываемых коннотаций следует признать соматизм *кожа*.

Есть различия и в семантике глаголов, выступающих контекстными партнерами соматизмов. Допустим, со словом *тело* употребителен в первую очередь глагол *ощущать* (*ощутить*), а не *чувствовать*, поскольку *ощущения* в целом более «телесны» и иррациональны, чем *предчувствия* и *чувствования*. Этот вопрос заслуживает отдельного изучения.

В будущем было бы интересно разобраться и в тонкостях смысловых отношений между различными соматизмами, рассмотренными в интересующем нас аспекте. Допустим, среди них есть слова, обозначающие органы, которым приписываются более «высокие» и более «низкие» чувствования. Так, разные части тела ощущают опасность, но при этом вряд ли возможно **Мать чует потрохами опасность, нависающую над сыном* (естественнее здесь *Мать чует ее сердцем*), в то время как предложение *Главарь банды чуял потрохами опасность провала* не вызывает сопротивления (вряд ли *сердцем*). Таким образом, одни органы могут выступать «сниженными двойниками» других (допустим,

потроха или *печенка* – души и сердца). В то же время при анализе этих случаев важно учитывать прагматические факторы – субъектно-адресатные роли и фокус эмпатии (допустим, если речь идет от лица самого преступника, то возможно и *сердце*; *потроха* обычно чувствуют опасность, обращенную на себя, а *сердце* может ощущать и опасность, которой подвергается кто-то другой).

В качестве перспективы исследования следует назвать и сопоставление данных разных языков. Так, пилотажный анализ показывает, что есть как сходения (допустим, соматизм «кожа» в разных славянских и германских языках имеет коннотации, сходные с теми, которые наблюдаются в русском языке), так и любопытные различия. Допустим, русский язык, кажется, не приписывает *костям* способности выступать

органом предчувствий, в то время как в чешском и английском, к примеру, соответствующие выражения вполне устойчивы (имеют даже словарное закрепление): чеш. *cítit něco v kostech* («чувствовать что-л. в костях») ‘предчувствовать, распознавать что-л., чувствовать признаки, знаки, предзнаменование прихода чего-л.’ [13, s. 302], англ. *to feel in one's bones* («чувствовать в своих костях») ‘быть интуитивно уверенным в чем-л.’: «Son, there's a big time due in the parts; I feel it in my bone over it» («Сын, это должно принести большой успех; Я уверен в этом <букв.: чувствую это в кости>») [14, t. 2, p. 384].

Таким образом, дальнейшая разработка этой темы прояснит, хочется надеяться, логику воплощения в языке представлений о внутреннем мире человека.

Литература

1. Березович Е. Л. Душа и сердце как органы «шестого чувства» (на материале русского языка) // *Świat oczyma duszy dusza w oczach świata: Antropologiczno-językowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej*. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN. (В печати).
2. Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: Семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.
3. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 784 с.
4. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004. 2-е изд., исправл. и доп. 1488 с.
6. Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. 432 с.
7. Псковский областной словарь с историческими данными / ред. Б. А. Ларин и др. Л., 1967. Вып. 1.
8. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
9. Словарь русских говоров Приамурья / отв. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1983. 340 с.
10. Словарь современного русского литературного языка / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
11. Толстая С. М. Палитра чувств в зеркале языка // *Rocznik Slawistyczny*. Т. LXIII. 2014. S. 129–144.
12. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. акад. О. Н. Трубачева и др. М., 1974. Вып. 1.
13. *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. 3: *Výrazy slovesné* / Hl. red. Fr. Čermák, Jiř. Hronek, Jar. Machač. Praha: Leda, 2009.
14. The Oxford English Dictionary. Oxford: Clarendon Press; Oxford; New York: Oxford University Press, 1989. 2 ed. Vol. 1–20.

Информация об авторе:

Березович Елена Львовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета (Екатеринбург), ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва), berezovich@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 16.02.2016 г., принята к печати 03.06.2016 г.

SOMATIC MODEL IN THE NOMINATION OF PREMONITIONS AND INTUITIONAL FEELINGS

Berezovich Elena L.^{1, @, *}

¹ Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)

@ berezovich@yandex.ru

*The work was performed in the framework of Ural Federal University competitiveness program (2013-2020), research group "People's linguistic tradition as a source of historical and cultural information (Russian North, Middle Urals, Upper Volga region)"

Abstract: The paper analyzes the most productive and systemic model, which serves as the basis for lexicon and phraseology denoting manifestations of «the sixth sense» (premonitions and intuitional feelings), – the somatic model. With reference to the Russian literary language of the 19th – 21st centuries and some particular facts of jargons, popular language and subdialects, the author studies 4 groups of somatisms, which are the most representative in terms of expression of

meanings, which are in the sphere of interest of the author: names of organs of the back of the body (*спина, затылок, лопатки, задница, загривок* etc.); nominations of the stomach and the inward parts of the body (*нутро, живот, брюхо, печенки* etc.); names of proper organs of perception (*нос, ухо*); the words *тело, кожа (шкура)*. The analyzed model is realized in a variety of ways, the most significant of which are verbal-nominal combinations like *чуять печенкой, почувствовать задницей, ощущать телом*. The paper describes contextual meanings specific to the words studied: 'premonition of trouble, death', 'fine organic feeling (of duty, obligation; profit etc.)', 'illogical perception of something which is usually perceived logically', 'perceptive synaesthetic feelings', 'the feeling of control (sense of chase, the feeling of somebody else's power)' and others. The author analyzes the reasons for appearance of the meanings, which are specific to each group of the vocabulary studied or which connect somatisms belonging to different groups.

Keywords: motivology, nominative model, Russian lexicology, phraseology, contextual semantics.

For citation: Berezovich E. L. Somatic model in the nomination of premonitions and intuitional feelings. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2016;(3):86-93. (In Russ.) DOI:10.21603/2078-8975-2016-3-86-93.

References

1. Berezovich E. L. Dusha i serdtshe kak organy «shestogo chuvstva» (na materiale russkogo iazyka) [The soul and the heart as the organs of the "sixth sense" (based on the Russian language)]. *Swiat oczyma duszy dusza w oczach swiata: Antropologiczno-językowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej* [World through the eyes of the soul in the eyes of the world: Anthropological and linguistic images of the soul in perspektywie międzykulturowej]. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN.
2. Berezovich E. L. *Russkaia leksika na obshcheslavianskom fone: Semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia* [Russian vocabulary against common Slavic background: Semantic-motivational reconstruction]. Moscow: Russkii fond soedistviia obrazovaniu i nauke, 2014, 488.
3. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [Big dictionary of Russian proverbs]. Moscow: ZAO «OLMA Media Group», 2013, 784.
4. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/>
5. *Novyi ob"iasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo iazyka* [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. 2nd ed. Contr. Apresian Iu. D. Moscow; Vena: Iazyki slavianskoi kul'tury; Venskii slavisticheskii al'manakh, 2004, 1488.
6. Prokosheva K. N. *Frazeologicheskii slovar' permskikh govorov* [Phrasebook of Permian dialects]. Perm': Perm. gos. ped. un-t, 2002, 432.
7. *Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Oblast dictionary with historical data]. Ed. Larin B. A. Leningrad, iss. 1– (1967–).
8. *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of Russian dialects in Karelia and adjacent areas]. Ed. Gerd A. S. Saint-Petersburg, iss. 1 – 6 (1994 – 2005).
9. *Slovar' russkikh govorov Priamur'ia* [Dictionary of Russian dialects of the Amur area]. Ed. Filin F. P. Moscow: Nauka, 1983, 340.
10. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Ed. Babkin A. M., Barkhudarov S. G., Filin F. P. Moscow; Leningrad, vol. 1 – 17 (1948 – 1965).
11. Tolstaia S. M. Palitra chuvstv v zerkale iazyka [The palette of feelings in the mirror of the language]. *Rocznik Slawistyczny – Year Of Release Of Market Relations*, vol. LXIII (2014): 129 – 144.
12. *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii* [Etymological Dictionary of Slavonic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Ed. Trubacheva O. N. Moscow, iss. 1 – (1974–).
13. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. 3: Vrazy slovesné* [Dictionary of Czech phraseology and idioms. 3: Expressions verb]. Ed. Čermák Fr., Hronek Jiř., Machač Jar. Praha: Leda, 2009.
14. *The Oxford English Dictionary*. 2 ed. Oxford: Clarendon Press; Oxford; New York: Oxford University Press, vol. 1 – 20 (1989).

Received 16.02.2016, accepted 03.06.2016.